

Надежда Вяч. Иванова на взаимное искупление исторической вины России и Польши основывается на религиозном преодолении «семейного» раскола славянских народов: «Чаем в грядущем этого благодатного, богоданного, самородного замирения и соборования в Христовой вере; но чего именно и как чаем,— не ведаем сами» [5, т. 4, с. 658]. Как и в лирике Вяч. Иванова, героями его публицистики становятся страны, народы, национальные культуры — переход к личной судьбе в такой постановке проблемы исторического возмездия выглядит почти неуместным.

Напротив, в поэме Блока проблема взаимной вины и взаимного же возмездия и искупления решается совершенно иначе. Разрешение взаимного противостояния намечено на «третьем» пути: не в непосредственном столкновении стран и народов, а в рождении ребенка от русского героя польской девушкой — того самого последнего «отпрыска рода», который, по мысли Блока, «готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества» [6, т. 3, с. 298].

Наконец, позиции Вяч. Иванова и Блока оказываются особенно близки, когда проблема возмездия обнаруживает свой эсхатологический аспект. Речь идет о судьбе человеческой культуры, построенной на индивидуалистической основе («И в каждом сердце, в мысли каждой—/Свой произвол и свой закон» [6, т. 3, с. 303]). Антииндивидуалистическая направленность поэмы Блока объясняет появление в прологе образов тетралогии Вагнера «Кольцо нибелунга» в контексте многочисленных апокалиптических аллюзий. Особенно же важна тема твердого нравственного различия добра и зла («начал» и «концов»), выбор между «Божьим лицом» и «сумраком неминуемым», способность личности противостоять силам зла и Хаоса — все эти мотивы восходят к Апокалипсису, прямо связываясь с темой будущего возмездия. Здесь проблема «возмездия» у Вяч. Иванова и Блока обнаруживает, может быть, не замечаемое сразу, но наиболее глубокое родство. Тема неотвратимого крушения индивидуализма оказывается общей для обоих поэтов. Сходно решается и вопрос о спасении: условием его является твердое знание, память об истинных ценностях человеческого бытия, способность сделать нравственный выбор и осознать свое отпадение от целого как вину.

Подведем некоторые итоги. Для Вяч. Иванова вполне органична ориентация, с одной стороны, на античное понимание предначертанности судеб, неотвратимости событий и последующего возмездия; с другой стороны, античная символика неизменно сливается у Вяч. Иванова с эсхатологической, апокалиптической. Для Блока же гораздо важнее ориентация на традиции Нового времени, в первую очередь, на Вагнера, Ибсена и, может быть, менее заметно, но совершенно несомненно — на традицию драмы рока и натуралистической школы. Если же Блок обращается к Апокалипсису, то, как правило, не непосредственно, а переосмысливая его образы через Ибсена или Вагнера.

Второе существенное различие между Вяч. Ивановым и Блоком состоит в том, что Вяч. Иванов рассматривает проблему возмездия по преимуществу в национально-историческом плане, лишь изредка обращаясь к проблеме личной ответственности человека. Для Блока же проблема возмездия существует прежде всего как проблема психологическая, нравственно-философская, и внимание его приковано к отдельной человеческой судьбе в потоке мировой истории.

Схождение обоих художников в отрицании индивидуалистической культуры и в поисках твердой нравственной позиции позволяет предположить, что концепции возмездия у Блока и Вяч. Иванова не противоречат друг другу, а находятся в отношении взаимодополнительности, как дополняют друг друга макрокосм и микрокосм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доценко Е. Н. Проблема историзма в цикле Вяч. Иванова «Година гнева»//Ал. Блок и революция 1905 года: Блоковский сборник. VIII. Уч. зап. ТГУ. Вып. 813. Тарту, 1988.